ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Фокин В. А. Парадоксы и болевые точки современной психологии конфликта // Концепт. – 2016. – № 03 (март). – ART 16046. – 0,4 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2016/16046.htm. – ISSN 2304-120X.

ART 16046 **УДК 159.923.2**

Фокин Владимир Алексеевич,
кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии профессий и конфликта факультета психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва
v.fokin47@mail.ru

Парадоксы и болевые точки современной психологии конфликта

Аннотация. *Статья посвящена критическому анализу сложившейся в современной психологии традиции описания и исследования конфликта. Показаны парадоксы и болевые точки в методологических и методических подходах современной психологической практики к диагностике, прогнозированию и посреднической деятельности в конфликте. В частности, указывается на дефицит публикаций, способствующих пониманию реальных конфликтов, и их очевидную необходимость. Предлагаются идеи по преодолению сложностей в изучении конфликтов.*
Ключевые слова: *конфликт, психология конфликта, проблемы изучения конфликта, конфликтология, межличностный конфликт, посредничество в конфликте, парадоксы конфликтологии.*
Раздел: *(02) комплексное изучение человека; психология; социальные проблемы медицины и экологии человека.*

Конфликты, их профилактика и разрешение стали в последние два десятилетия важной частью теоретических исследований, прикладных практических разработок в психологии, социологии и других смежных науках. Масштабы рассмотрения проблем всеохватны: от «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон) до «конфликта интерпретаций» (П. Рикер). В каждой области исследований, будь то межгосударственные, межэтнические, межгрупповые или межличностные – производственные, бытовые, семейные конфликты, можно выделить узловые темы сгущения интересов специалистов, в частности, их детерминации, функций, структуры, динамики, профилактики, посредничества в конфликтном взаимодействии [1, 2]. Общее количество публикаций становится необозримым, поистине неподъемным. Несмотря на это, как показывает наш опыт взаимодействия с молодыми специалистами, практически все они, точнее многие, ***парадоксально*** сетуют на *дефицит* информации, учебников, просто публикаций, из которых можно было бы почерпнуть нечто, способствующее пониманию происходящего, помогающее разобраться в *конкретном* конфликте [3]. Такого рода запросы обусловлены тем, что фактически любой практикующий специалист (школьный психолог, психолог в организации, на производстве, социальный работник) сталкивается в своей повседневной практике с многочисленными случаями конфликтного взаимодействия, которое приводит чаще всего к снижению эффективности производственной деятельности вплоть до ее деструкции. И психологи, занимаясь в широком смысле оптимизацией учебной деятельности, формированием позитивного психологического климата в коллективе и т. п., с необходимостью вынуждены обращаться к проблемам, говоря общо, посредничества в конфликтах. Нехватка практического опыта вкупе с недостаточностью узкотеоретических, прикладных знаний вынуждает их искать ответы на больные вопросы в соответствующей литературе. Происходящее далее, а именно встреча с текстами, также парадоксально. Это можно проиллюстрировать фрагментами высказываний одного молодого специалиста, школьного психолога, блестяще подготовленного в традиционной университетской

ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
Фокин В. А. Парадоксы и болевые точки современной психологии конфликта // Концепт. – 2016. – № 03 (март). – ART 16046. – 0,4 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2016/16046.htm. – ISSN 2304-120X.

общетеоретической манере, прекрасно владеющего речью, самокритичного, рефлексивного: «Как говорил Пастернак, “хочу дойти до самой сути”. Хочу выяснить конкретно – что делать? С чего начать? Какие методики применить? Что делать с полученной информацией? Как ее скомплексировать, объединить непротиворечиво? Как убедить человека? Почему мое объяснение происходящего он должен принять? <...> Вместо этого – Зиммель, Гумплович, Козер, Корнелиус, Фейр – “выиграть может каждый” – кроме меня <...> Все правильно, хорошо, умно и в общем-то содержательно, но слишком общо, обзорно. Важные принципиальные вопросы обсуждаются как бы скороговоркой: “применяйте методы, релевантные изучаемому объекту, валидные, надежные” <...> нет “мяса”, жизни, одни скелеты – принцип конфиденциальности, стили взаимодействия, рефлексивное слушание, эмпатия, “работай с проблемой”. Как итог: нет общего понимания, ориентировочной основы всей моей деятельности <...> Как можно одновременно (имеется в виду в одной книге. – *В. Ф.*) говорить о конфликте в Боснии и Герцеговине и о том, как тетя Маша не понимает учительницу и пишет на нее жалобы <...> В чем *научность* моего подхода? Где критерии правильности моего подхода, моих действий, моего понимания? Понятно, я не ребенок, сам должен решать, но хочется *опоры*, поддержки, совета».

Можно долго приводить подобного рода парадоксы, примеры, множить затруднения, непроясненные принципиальные и частные вопросы, возникающие у молодых, да и не только молодых специалистов. Важно подчеркнуть, что их глубина и разнообразие обусловлены в первую очередь бесконечной сложностью самого феномена конфликтного взаимодействия, его уникальностью и неповторимостью, а это значит, что «полное и окончательное» прояснение и понимание происходящего, соответственно, требует и бесконечного текста, вкупе с бесконечным разумом этот текст продуцирующим. Вместе с тем, отбросив юношеский максимализм, имплицитную установку многих недавних выпускников вузов на «всемогущество», находящую свое выражение в стремлении «объективно всесторонне понять», «объяснить всем», как надо действовать, в конечном итоге примирить людей, разрешить конфликт, следует признать, как минимум частично, справедливость требований и упреков к существующим текстам. В нашу задачу здесь не входит подробный анализ соответствующей литературы. Выскажем лишь общие соображения, представляющие собой некий итог нашей аналитической текстовой работы, с одной стороны, а с другой – полученных на основе многолетней консультативной практики обобщенных вопросов, трудностей в работе, претензий и пожеланий к текстам со стороны молодых специалистов. Оговоримся специально, что в подавляющем большинстве случаев речь шла именно о межличностных конфликтах, когда сторонами конфликтного взаимодействия выступали люди, не представляющие интересы какой-либо неформальной группы, структурного подразделения либо организации в целом. Мы полностью отдаем себе отчет в том, что в принципе не может быть конфликта между двумя отдельными людьми, обособленными от влияния значимых других, изменяющихся социальных обстоятельств. В первом приближении можно сказать, что в этих случаях в одном лице выступает и активный участник конфликта, и лицо, принимающее решение. Такое сужение проблемного исследовательского поля представляется совершенно необходимым, поскольку, несмотря на формальное сходство основных терминов и понятий, используемых при описании и анализе разных типов конфликтов (участники, детерминация, структура, динамика, исходы и пр.), их фактическое содержание принципиально различно [4, 5].

Итак, представим эти соображения:

– только в обзорных работах можно рядоположенно обсуждать и межгосударственные, и межгрупповые, и межличностные, и внутриличностные конфликты, говорить о посредничестве, медиации, арбитраже в них;

– следует проявлять научную смелость для того, чтобы ставить, анализировать, рассматривать предельные вопросы исследования конфликтов, воздейственной практики; проводить или хотя бы артикулировать четкую грань между техническими, устранимыми трудностями и принципиально не решаемыми вопросами;

– при освещении конфликтной проблематики отказаться от примитивизации, уплощения реального положения дел, в частности, перестать сводить человека к «Человеку психологическому», объясняя его поведение констелляцией психологических свойств и качеств;

– исходя из этого, четко заявить, что традиционные методы исследования личности в конфликте (стандартизованные опросники, тесты и пр.) нерелевантны изучаемой действительности; необходим иной методический инструментарий;

– отказаться от навязывания линейного построения исследования, «одноразового», «полного и окончательного» определения объекта и предмета исследования и воздействия, признать и показать объективную необходимость *стадиальности* исследовательской, понятийной работы, а значит, и воздейственной практики («познавательная спираль», герменевтический круг истолкования);

– поскольку психологи, другие специалисты имеют дело с обыденным сознанием, дать хотя бы общий обзор и анализ форм и способов его реального функционирования в первую очередь при понимании и объяснении этими людьми сути происходящего; прояснить, в чем выражается научность подхода психолога, чем качественно отличается понимание и объяснение психолога от обыденного;

– определить суть принципиальных ошибок и трудностей в работе практикующего психолога, подчеркнуть, обосновать принципиальную неустранимость вероятностного характера понимания, объяснений и воздействия;

– дать по возможности другие, более подходящие к данной реальности способы и схемы практической работы.

Ограничимся перечисленными выше пунктами.

Очевидно, что обусловленные юношеским максимализмом пожелания не могут быть выполнены. Но несомненно и их позитивное значение: они помогают обнажить, обозначить болевые точки психологии как науки и практики, привлечь к ним внимание профессионалов, побудить их к созданию текстов, отражающих практику реальной работы в этой области, по аналогии с многочисленными публикациями, например, в психотерапии, психологическом консультировании.

По нашему убеждению, такие тексты должны быть информационно и содержательно избыточными, и вот почему. «Профессионал – это человек, который не делает глупых ошибок», – говорил Нильс Бор. Анализируя же этап вхождения в практику реальной работы молодых специалистов, можно увидеть, что часто встречающейся, почти всегдашней ошибкой, точнее, профессиональной дефициентностью у них является неучет, необращение внимания на наличие в их собственной практической деятельности базового, личностного знания (М. Полани), обыденного опыта вообще. Что мы имеем в виду? Известно, что в профессиональном сознании можно выделить два слоя:

– непосредственное, самоочевидное содержимое, «фактическую картину мира»,

– теоретические знания (В. Лекторский, М. Хайдеггер).

В первый слой входит обыденное знание, неосознаваемые причинно-следственные, структурные, функциональные, генетические связи и многое другое, то есть некий культурно-исторический слепок эпохи, конкретной культуры. Во второй – теоретические знания, которые функционируют, проявляют себя на основе и в сложной и непознаваемой связке с первым слоем. Их совместное функционирование и задает само

видение проблем, а значит, и их изучение, анализ, понимание и воздействие на них. Главенствующую роль базового слоя в общей ориентировке в каждой конкретной ситуации профессиональной деятельности можно проиллюстрировать простой ссылкой на то, что нам не известны работы, в которых причины возникновения, например, конфликтов включали бы в себя небрежное, непочтительное отношение к изображению тотемического животного, вселение бесов в акторов конфликта, и т. д. Уберечь от грубых ошибок, связанных с «самоочевидностью» всех составляющих конфликта и работы психолога с ним как плодом функционирования первого базового слоя сознания, или хотя бы подчеркнуть важность и необходимость обращения внимания на содержание собственного профессионального сознания, рефлексивной работы по выявлению «самоочевидностей», подлежащих прояснению, уточнению, а возможно, и преодолению, как раз и могут тексты, избыточные содержательно и информационно. Ведь, как говорил Л. Витгенштейн, «границы моего мира есть границы моего языка». Первый слой профессионального сознания задает ***пристрастность*** специалиста, преодоление которой требует рефлексивного анализа.

Проиллюстрируем сказанное на материале первого этапа работы – выбора объекта и предмета исследования.

Очевидно, что любое исследование должно выполняться при соблюдении некоторых принципиальных условий, причем условия эти определяются, с одной стороны, общенаучными нормами и требованиями, с другой – особенностями изучаемой действительности. В нашем случае изучаемая действительность – конфликтное взаимодействие во всей его полноте и эмпирической сложности – предъявляет целый ряд дополнительных требований к методологии и методам исследования. Поэтому мы вынуждены предпослать изложению совокупности примененных конкретных методов исследования некоторые соображения относительно специфики изучаемых феноменов.

1. Всякий возникший в реальной жизни конфликт по набору своих **основных** составляющих (участники, их личностные особенности, общий контекст развития событий, цели и намерения субъектов конфликта и многое другое) является уникальным, неповторимым событием. И несмотря на возможность выделения его каких-то повторяющихся характеристик, конкретная методология изучения любого реального конфликта, по сути, «исследование отдельного случая».
2. Реальный конфликт, представленный в виде конкретного объекта и предмета исследования, есть совокупность многих онтологически различных составляющих. Поскольку применяемые методики должны быть релевантны изучаемой действительности, постольку их конкретный набор относится к разным областям психологической науки, а полученные данные требуют соответствующей интерпретации.
3. Схемы исследования на каждом из этапов построены и являются квазиэкспериментальными по своей сути. Такое построение исследований вынужденное, поскольку:

– у нас нет возможности задавать тот набор факторов, условий и т. д., которые, по мнению исследователя, наиболее интересны;

– нельзя уравнять конфликты по каким-то выделенным параметрам; имеет место невозможность доступа к предконфликтной ситуации, к некоторым субъектам конфликта;

– нет возможности повторения значимых событий;

– информация, полученная при исследовании, валидная и надежная с точки зрения ее соответствия применяемым конкретным методикам исследования, может сознательно искажаться;

– возникает необходимость выходить за рамки чисто психологического подхода и рассматривать происходящее в рамках широкого контекста жизнедеятельности субъектов конфликта, в том числе анализировать происходящее «с точки зрения здравого смысла»;

– при исследовании реальных конфликтов эмпирическим материалом может, а иногда просто должно выступать все известное и могущее быть полученным многообразие фактов, догадок, предположений, относящихся ко всем сферам изучения конфликта, представленным выше [6].

Таким образом, началу конкретной работы должен быть предпослан рефлексивный анализ сознания самого психолога в первую очередь с точки зрения выделения и выбора *объекта и предмета исследования*.

Опишем в первом приближении, какая информация содержится в сознании психолога, намеревающегося изучать конфликт и посредничать в нем. Во-первых, очевидно, что если он занимается этим, значит, у него есть описание конфликтного взаимодействия, данное многими участниками конфликта либо заинтересованными посторонними лицами (руководителями, коллегами, родственниками). Кроме этого могут быть свидетельства очевидцев, посторонних людей; могут быть документы, подтверждающие какие-то аспекты происшедшего; могут иметься экспертные оценки. Далее, у любого человека есть обыденные представления о конфликте во всех его аспектах, личный житейский опыт участия, разрешения конфликтов, а у психологов еще и литературные данные. Всю совокупность данных о конфликте, находящихся в сознании психолога, назовем *подразумеваемым конфликтом.*

Очевидно, что все это в разной степени будет отличаться от реального конфликта. Что же такое *реальный конфликт?* Реальный – такой, каким его видит Господь Бог, во всех его аспектах. Это сложнейший бытийный феномен, включающий разные онтологические составляющие: участников, динамику, детерминацию, временные характеристики, предконфликтную ситуацию и переход к конфликтному взаимодействию, эскалацию, разрешение. В его протекании играют роль и личностные особенности участников (личностно-психологические особенности, волевые, эмоциональные, морально-этические принципы, цели и мотивы). Кроме этого в реальный конфликт может входить и возможное влияние звезд, «пятницы 13-го», козней злых духов и проч. Это мы говорим для того, чтобы подчеркнуть, что в каждом случае есть целый набор принципиально неустранимых обстоятельств, которые не доступны ни нашему пониманию, ни просто обнаружению.

Психолог, принадлежащий к племени ученых, обязан, согласно полученному образованию, выделить *объект* и *предмет научного исследования*. В основе работы по выделению объекта и предмета научного исследования лежат мыслительные процедуры, которые обусловлены практическими целями и задачами, стоящими перед психологом. И в этой области, на этом этапе работы с необходимостью остается множество неразрешимых вопросов:

– Почему выделяем именно это, например, в детерминации конфликтов?

– Насколько надежны, валидны выбранные методы, например, в воздействен-ной практике?

– Насколько полна схема, ориентировочная основа действий на каждом этапе работы?

Исследователь сам включает все, что ему кажется значимым, подлежащим изучению и воздействию, ограничиваясь при этом тем, что можно выявить и подтвердить либо проинтерпретировать, вынося за скобку бесов, «пятницу 13-е», но всегда имея в виду, что конфликт бесконечен, как бесконечен и открыт миру сам человек.

Итак, психолог, конечной целью которого является посредничество, способствование разрешению конфликта, должен в самом начале работы понимать вероятностный, субъективный характер выделенных «объективных» параметров и характеристик

конфликта, особенностей внутреннего мира его участников и – самое главное – пристрастность собственного сознания, его ограниченность, стереотипию, приверженность привычным объяснительным схемам и приемам воздейственной практики. Каждый этап работы: изучение конфликтной ситуации, выдвижение рабочих гипотез, анализ образа конфликтной ситуации у участников, их внутренних особенностей, форм и способов реагирования, целеполагания, нахождение точек соприкосновения по преодолению конфликта – должен начинаться с глубокой рефлексивной проработки принципиальных вопросов, встающих перед профессионалом.

Ссылки на источники

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 496 с.
2. Гришина Н. В. Психология конфликта. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
3. Фокин В. А. Внутренняя позиция участников производственного конфликта как детерминанта его типологии и динамики: монография. – Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 199 с.
4. Фокин В. А. О проблемах изучения конфликтов на дорогах // Человек и Вселенная. – 2014. – № 1(85). – С. 19–46.
5. Фокин В. А. О проблемах изучения конфликтов на дорогах.
6. Фокин В. А. Внутренняя позиция участников производственного конфликта как детерминанта его типологии и динамики.

Vladimir Fokin,
Candidate of Psychological Sciences, Senior Research Officer, Laboratory of Psychology of Professions and Conflict, Psychology department, Moscow State University, Moscow
v.fokin47@mail.ru

Paradoxes and sore points of modern psychology of conflict

Abstract. The paper is devoted to the critical analysis of the tradition of conflict studying in modern psychology. The author shows the paradoxes and the sore points in the methodological and methodical approaches of modern psychological practice to diagnosis, prediction and mediation in the conflict. In particular, it is a lack of publications contributing to the understanding of the conflict, and their obvious need. The paper suggests ideas for overcoming difficulties in the study of conflicts.

Key words: conflict, psychology of conflict, problems in the study of conflict, mediation in conflict, interpersonal conflict, mediation in conflict, the paradoxes of conflict.

References

1. Ancupov, A. Ja. & Shipilov, A. I. (2008). *Konfliktologija*, 3-e izd., Piter, St. Petersburg, 496 p. (in Russian).
2. Grishina, N. V. (2008). *Psihologija konflikta*, 2-e izd., Piter, St. Petersburg, 544 p. (in Russian).
3. Fokin, V. A. (2011). *Vnutrennjaja pozicija uchastnikov proizvodstvennogo konflikta kak determinanta ego tipologii i dinamiki: monografija*, LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrjuken, 199 p. (in Russian).
4. Fokin, V. A. (2014). “O problemah izuchenija konfliktov na dorogah”, *Chelovek i Vselennaja*, № 1(85), pp. 19–46 (in Russian).
5. Fokin, V. A. (2014). “O problemah izuchenija konfliktov na dorogah”.
6. Fokin, V. A. (2011). Vnutrennjaja pozicija uchastnikov proizvodstvennogo konflikta kak determinanta ego tipologii i dinamiki: monografija.

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию *Received*	08.02.16	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	10.02.16
Принята к публикации *Accepted for publication*	10.02.16	Опубликована *Published*	29.03.16

ISSN 2304-120X 03
9 772304 120166
www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2016
© Фокин В. А., 2016